

визм характеризуют заключения А. Мазона и о Задонщине и о Слове о полку Игореве.

Следует отметить также и нежелание А. Мазона охватить Слово о полку Игореве как органическое целое, понять ту идею, которая связывает все его части и которая внутренним планом объясняет кажущийся „беспорядок“. Отсюда представление о Слове, как о мозаическом соединении разнохарактерных, разновременных, взаимно исключающих друг друга источников. Отказываясь вникнуть в историю культуры Киевской Руси, А. Мазон иронически говорит о „поражающем одиночестве“ Слова (1938, 1—2, стр. 6), о том, что в XII в. неизвестно „политическое вдохновение“ (1944, 1—4, стр. 6), хотя вся литература XI—XII вв. прямо свидетельствует об обратном; пренебрежительно отзывается о самом событии, которое дало тему двум летописным повестям и Слову: „летопись рассказывает об этом событии длиннее, чем оно того стоит“, это материал „un peu banal“ (1938, 3—4, стр. 164—165) и т. д. Только при таком „подходе“ к эпохе, создавшей Слово, и можно было дойти до мысли вывести Слово из Задонщины. Но А. Мазон совершенно упустил из виду, что в его изображении „в поражающем одиночестве“ окажется ряд эпизодов Задонщины, потерявшей связи с предшествующей традицией.

3

Сопоставляя с реконструированным текстом Задонщины первое издание Слова о полку Игореве, мы убеждаемся в том, прежде всего, что Софония рязанец имел в руках список Слова, не вполне совпадавший с текстом Мусин-Пушкинского сборника; затем мы получаем возможность поддержать или опровергнуть некоторые поправки, предложенные исследователями и издателями Слова к чтениям первого издания; наконец, Задонщина дает небольшой материал, помогающий при переводе Слова на современный язык остановиться на определенном значении отдельных выражений.

Сравнивая план первых эпизодов основной части Задонщины с началом повествования о походе Игоря, как оно изложено в первом издании Слова, мы замечаем разницу в расположении материала, хотя совершенно несомненно, что именно в первых эпизодах Софония рязанец особенно близко придерживался своего поэтического образца. Зато Задонщина подтверждает мысль академика А. И. Соболевского о том, что в Мусин-Пушкинском сборнике начальные эпизоды Слова переместились в итоге путаницы листов в обветшалой рукописи. В статье 1916 г. академик А. И. Соболевский¹ предположил, что в Слове после фразы —

¹ Материалы и заметки по древнерусской литературе. XVIII. Изв. ОРЯС АН, 1916 кн. 2, стр. 210—212.